

УДК 800:159.9

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА
СОВРЕМЕННОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ
СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА
МОНОГРАФИИ Р. АЛЬТАМИРЫ)**

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

А.В. Фахрутдинова

*Доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений
e-mail: Anastasiya.Fahrutdinova@kpfu.ru*

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Н.В. Антонова

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юридических и социально-экономических дисциплин
e-mail: natallin1710@hotmail.com*

Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)

В данной статье рассматривается влияние социально-культурного контекста в романо-германской языковой парадигме и его отражение в тексте перевода. Цель исследования заключается в определении факторов, оказывающих влияние на процесс перевода и последующее формирование социально-культурных представлений и стереотипов. На примере отрывка перевода монографии Р. Альтамыры «История Испании», посвященного идее империализма и первым годам правления Карлоса V, анализируются трансформации, не обусловленные языковой необходимостью, но инициированные филологом-переводчиком. С этой целью при помощи моноязычного словаря исследуется коннотативная составляющая каждой лексемы в обоих языках. На базе компаративного анализа полученных данных выявляются расхождения как в значении, так и перцептивных оттенках каждой из лексем, которые затем структурируются с целью выявления преобладающих тенденций. В результате проведенного исследования были определены основные направления искажений в сравнительно-сопоставительных аспектах на примере труда Р. Альтамыры, выявлены закономерности, которые, вероятнее всего, являются прямым следствием мировоззренческих установок отечественной языковой культуры и повлияли на формирование имиджа Испании в восприятии реципиента.

Ключевые слова: картина мира, перевод, романские языки, культурный стереотип, мировоззренческие клише.

Введение

Процесс перевода текста без использования цифровых систем является творческим актом. При работе с текстом переводчик демонстрирует не только свой уровень владения иностранным языком, но и вольно или невольно проявляет личную форму восприятия действительности. Последняя является естественным следствием существования переводчика в окружающей его социокультурной, языковой и идеологической среде. В зависимости от ряда факторов мировоззрение индивида может варьироваться; тем не менее общая картина мира, характерная для восприятия людей его эпохи, его места обитания, его окружения, остается сравнительно стабильной.

Одним из наиболее достоверных источников информации о форме восприятия реальности в том или ином социуме, о степени манипуляции сознанием и клишированности мышления являются письменные произведения. Наряду с непосредственно изложенной информацией эти ресурсы содержат бесценный текстологический материал, позволяющий оценить социокультурный контекст, в котором обитает носитель культуры в данный промежуток времени, выделить языковые клише, выражающие мировосприятие эпохи, определить формы манипуляции массовым сознанием. Неисчерпаемым источником знаний о культурной самоидентификации нации может стать также перевод текста, сделанный в конкретную историческую эпоху. На первый взгляд, утверждение кажется необоснованным, поскольку в представлении обывателя перевод текста является лишь трансляцией информации, изложенной автором оригинала. Однако перевод не может не отражать личности переводчика, его убеждений, стремлений и интересов. В.В. Сдобников обращает внимание на то, что «...в настоящее время требование равенства реакций со стороны рецепторов оригинала и перевода представляется максималистским, поскольку не учитывает существенных различий между самими рецепторами ИТ (*исходный текст*) и ПТ (*переводной текст*), которые определяются их принадлежностью к разным культурам, различиям в фоновых знаниях, разным опытом и т.п. С учетом этого равенство реакций представляется недостижимым идеалом» [Сдобников 2016: 12]. Кроме того автор отмечает, что «...К числу компонентов коммуникативного акта ... следует относить, помимо текстов оригинала и перевода, самих субъектов коммуникативной деятельности, т.е. автора исходного сообщения, получателя перевода, а также переводчика» [Там же: 10]. При всем усилии передать максимально адекватно мысль автора оригинала, переводчик не может избежать влияния стереотипов собственного мировоззрения, обусловленных особенностями социокультурного фона эпохи. При передаче той или иной идеи переводчик оказывается перед выбором ряда переводческих стратегий, переводческих средств, вариантов эмфатизации определенных отрезков текста, при этом то, как он это

делает, находится в непосредственной зависимости от его персонального восприятия исходного документа. Таким образом, сопоставление текста перевода с текстом оригинала может указать на детали, заслуживающие внимания. Мельчайшие оттенки смысла, которые могут проскользнуть незаметно при работе с мооязычным текстом, становятся очевидными при исследовании перевода, позволяя на основе компаративного и системного анализа увидеть аспекты ментальности, незаметные при работе с источником, представленном на одном языке.

Важный аспект ментальности, имеющий огромное значение при исследовании социокультурного контекста эпохи, – это идеологические нормы эпохи. Обычный носитель культуры при генерировании как спонтанного, так и подготовленного высказывания осознанно или неосознанно ориентируется на принятые нормы и не зависит ни от каких факторов, кроме собственных воззрений, в большей или меньшей степени совпадающих с доминирующей идеологией, и речевого контекста, определяющего характер дискурса. Иначе дела обстоят с переводчиком, в особенности, если привычные для него культурные коды вступают в противоречие со стандартами политической мысли, характерной для родины автора оригинала. Переводчик оказывается перед провокационной проблемой. С одной стороны – привычные нормы мышления его лингвокультурного пространства, с другой – кардинально противоречащие им мировоззренческие концепции иноязычного оригинала. В этом случае перед переводчиком встает крайне сложная задача: передать содержание источника во всей его полноте, не войдя при этом в противостояние с собственными убеждениями и идеологическими установками.

Материалы и методы

В данной работе будет рассмотрен отрывок перевода труда испанского историка начала XX века Рафаэля Альтамиры и Кревеа «История Испании». Работа была написана в первой четверти XX века, а переведена на русский язык в 1951 году. Приверженец идей испанских краулистов, воспринимающий их в своеобразном преломлении, участник наиболее прогрессивных движений того времени, в частности Свободного института образования, миротворец, почетный профессор ряда университетов по всему миру, Р. Альтамира привлекает внимание отечественных филологов, исследующих западно-европейские языки настолько, что предпринимается перевод его монографии, посвященной истории и культурной трансляции национальных архетипов Испании. Переводчик осуществляет чрезвычайно точную и логичную передачу текста оригинала; тем значительнее представляются межъязыковые различия, стилистические детали и особенности его работы для реконструкции восприятия действительности.

Результаты

Перед началом детального анализа текста, необходимо определить общие особенности идеологической и эмоциональной палитры перевода данного исторического текста, и наиболее уместным будет применить инструментальный подход к интерпретации дискурса, выделенный В.И. Карасиком [Карасик 2016: 64-65]. В рамках данного метода лингвистическая оценка речи осуществляется посредством «анализа способов выражения содержания общения, его средств и стиля. Стилистика дискурса соответствует его основной тональности, т.е. эмоционально-стилевому модусу общения. Соответственно, в каждом из этих типов общения проявляется личность, ведущая себя определенным образом» [Там же: 64-65]. Поскольку в центре внимания данного исследования находится именно лингвокультурный анализ сравнительного характера, выражающийся в определенных интерпретационных вариациях передачи исходного текста, этот метод представляется чрезвычайно показательным.

В этой связи стоит заметить, что научный текст исторической направленности априори подчиняется общенаучному правилу необходимости доминирования информативной тональности, подразумевающей «серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него» [Карасик 2016: 64]. Признаками информативной окрашенности как оригинала, так и перевода, является применение научного стиля повествования, как на лексическом, так и на морфологическом «использование научного стиля в романских языках подразумевает употребление глагольных форм во вневременном значении, ослабление грамматического значения лица. Формы первого лица редуцируются, а личные предложения заменяются на безличные. Наблюдается употребление существительных в единственном числе для обобщения, так как множественное число носит оттенок конкретности» [Иванова 2017: 194]), так и на синтаксическом уровне (использование неопределенно-личных предложений и пассивных конструкций как средств обобщения. «Преобладание союзной связи над бессоюзием также служит созданию наиболее ясного и доказательного высказывания. Связь предложений с повторяющимися существительными; использование выражающих отношение связующей функции (*поэтому, тогда*) позволяют достичь ясности и доказательности. Характерны для научного стиля семантически ослабленные конструкции и обороты связи, способствующие большей связности речи (*можно еще отметить*)» [Иванова 2017: 195], лаконичность использованных автором лексико-грамматических структур, ясность выражения мысли, преобладание нейтрально окрашенной лексической палитры.

При прочтении текста на языке перевода преобладание информативной тональности не подвергается сомнению, и наличие иных оттенков практически незаметно, за исключением наиболее ярко выраженных культурно-ангажированных высказываний. Например: «под прямым давлением именно Габсбургов», «захватническая политика», «захватнические войны», «отнимая у более достойных», «продажи должностей», «награбили в Испании», «губительных последствиях» и пр. Использование лексических средств, имеющих выраженную негативную окраску, не характерно для научного повествования, поэтому они привлекают внимание даже при поверхностном прочтении текста перевода без сопоставления с текстом оригинала.

Тем не менее при сопоставлении с текстом оригинала в большей или меньшей степени проявляется ряд иных эмоционально-стилистических оттенков. В частности, ряд различий, фигурирующих в русскоязычной и испаноязычной версии монографии, указывает на присутствие характерных черт идеологической эмоциональной палитры, которую В.И. Карасик определяет как «серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим» [Карасик 2016: 65].

В русскоязычной интерпретации текста монографии Р. Альтамиры признаки жестких идеологических установок выражаются в применении необоснованных с точки зрения переводческой необходимости трансформаций и наиболее ясно просматриваются при сопоставлении перевода с оригиналом. В частности, вариации перевода термина «империалистическая политика», выбор негативных вариантов трактовки ряда лексем (*завоевать – захватить*), лексическое добавление «утвердить свое господство в сейме» и пр. Данные примеры свидетельствуют об идеологическом прочтении автором текста Р. Альтамиры, стремлении адаптировать его к доминировавшим в ту эпоху культурно-идеологическим установкам.

Кроме вышеназванных информативной и идеологической тональности в тексте русскоязычного перевода можно усмотреть элементы торжественной тональности. Данный вариант эмоциональной палитры высказывания описывается как «ритуально-возвышенное общение, целью которого является подтверждение коллективной идентичности» [Карасик 2016: 65].

Показателем присутствия торжественного регистра в тексте перевода служит применение ряда терминов и лексем, характерных, если не сказать обязательных, для идеологического дискурса советской эпохи, являющихся своеобразным ритуальным атрибутом большинства языковых сообщений середины XX века. Например, такие идеологические клише, как *абсолютизм, империалистический, захватнический, отнимать у более*

достойных (в оригинале – *otorgar al mejor postor*), *союз*, *недовольство*, *совет* (вместо мэрии/городского управления).

В некоторой степени текст перевода обладает оттенками агрессивной тональности, определяющейся как «сниженное эмоциональное общение, целью которого является подавление партнера» [Там же].

Указателем на интенцию подавления противоположной позиции является присутствие переводческих трансформаций, связанных с усугублением негативных аспектов самодержавной власти или отрицательной трактовкой выражений, стилистически нейтральных на языке оригинала. К данной категории можно отнести большинство перечисленных выше примеров, иллюстрирующих категорично отрицательную интерпретацию действий испанского монарха.

Наряду с инструментальным подходом, при анализе выбора переводчиком конкретных переводческих трансформаций применим акциональный подход к изучению специального дискурса, в котором «общение рассматривается в неразрывной связи с поведением субъектов и совершаемыми ими действиями» [Там же: 68].

Особый интерес представляет анализ текста перевода с точки зрения применения манипуляций и «эмоционального заражения» [Там же: 70], однако ответить на вопрос о степени обусловленности выбора переводческих трансформаций интенциями автора крайне сложно. Если понимать языковую манипуляцию как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2014: 25], то можно предположить, что переводчик либо намеренно останавливал выбор на идеологически окрашенных альтернативах переводческих трансформаций, либо сам стал объектом манипулирования массовым сознанием, и осуществленный перевод стал лишь свидетельством его ангажированности.

Свидетельством присутствия в тексте перевода следов манипуляции является наличие тенденции к идеологической поляризации при выборе языковых средств, выражающейся в негативной трактовке образа монарха, акцентировании внимания на его отрицательных характеристиках и ошибках и одновременной идеализации действий оппозиционных сил. Например, фраза «*Necesitaban sostener su posición en Europa y contrarrestar a sus enemigos*» переведена как «стремившимся сохранить господствующее положение в Европе и *не допустить* усиления своих соперников»; *daba pocos derechos sobre Alemania* – титул императора *не давал Карлу реальных прав* в Германии; *á partir de su proclamación como rey, dirigió los asuntos de España desde Flandes, bajo la presión de los consejos* – с момента провозглашения Карла испанским королем он управлял своей страной из Фландрии, находясь *под влиянием* советников; *y le propuso á*

poco para el obispado de Tortosa – и вскоре *сделал его* епископом Тортосским; hasta *se trató de formar* una Hermandad de municipios castellanos para oponerse á los desafueros referidos – в ответ на противозаконные действия короля *организовался* союз кастильских городов, и пр.

Кроме того, заметим, что важной стратегией манипуляции, нацеленной на создание образа врага, является стратегия идеологической поляризации, которая осуществляется через противопоставление «мы – они», при этом «мы» (наши действия, ценности, взгляды, поступки и т.д.) представляются преимущественно в положительном свете, в то время как «они» (их действия, ценности, взгляды, поступки и т.д.) – в отрицательном. Для ее реализации используется тактика обращения к фундаментальным ценностям («мы» придерживаемся ценностей свободы и демократии, «они» – приверженцы деспотии и тоталитаризма).

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что текст перевода изученного отрывка монографии Р. Альтамиры по преимуществу выдержан в информативной тональности, однако отличается определенной степенью идеологической ангажированности, некоторой категоричностью суждений и местами агрессивной позицией по отношению к инакомыслию. Кроме того, присутствуют следы манипуляции, целью которой является создание позитивного образа народных союзов и отрицательного представления о правящей элите, в частности, монархии.

Обсуждение результатов

Исходя из исторического контекста России и Испании можно выделить следующие факторы, определяющие разногласия в мировоззрении данных народов в 50 гг. XX в.:

- 1) идеологические принципы: Россия – коммунизм; Испания – фашизм, при этом в обоих государствах господствует тоталитарный строй;
- 2) религия: Россия – атеизм; Испания – католичество, в обоих случаях религиозные убеждения строго контролируются государством;
- 3) отношение к монархии: Россия – априори негативное; Испания – *de jure* позитивное;
- 4) правящие классы: Россия – средний класс; Испания – высшие военные эшелоны и представители церкви.

В сложившейся ситуации переводчик оказывается перед крайне сложной задачей: будучи носителем советской культуры он должен передать на язык мировосприятия народа текст испанского автора, который несмотря на свою либеральную позицию остается носителем иной ментальности. В результате ИТ подвергается трансформации под влиянием социокультурного контекста эпохи и ПТ получает новое оформление, в некоторых случаях отличное от языка оригинала.

Для анализа был взят отрывок из третьего тома монографии Р. Альтамиры *Edad moderna: historia política externa, Las causas del*

imperialismo; El gobierno de España и его перевод, сделанный Е.А. Вадковской и О.М. Гармсен [Альтамира и Кревеа, 1951].

Сам по себе перевод труда испанского исследователя выполнен очень тщательно, переводчики применяют адекватные решения для передачи мысли автора и выражают ее четко и ясно на русском языке. Однако человеческий фактор остаётся доминирующим, что и дает современным исследователям неоценимую возможность сопоставить текст оригинала с переводом и выявить те имплицитные несоответствия, которые являются, вероятнее всего, следствием влияния социокультурного контекста 50 гг. XX века.

В этом отношении наиболее показательными являются стилистические трансформации, переводческие замены, которые, не искажая смысл, акцентируют внимание на том или ином аспекте события или феномена, в частности, перевод безличных конструкций личными, в случае чего акцентируется действующее лицо и пр. Причем важно отметить, что автор, по всей видимости, не стремился модифицировать текст оригинала, но передавал его идею так, как сам понимал ее сквозь призму собственных ментальных установок, т.е. применял тактику стилистической адаптации текста [Сдобников 2016: 251], транслируя при этом собственные культурные коды.

Рассмотрим наиболее яркие примеры переводческих трансформаций, отражающие культурные установки советской эпохи, в переводной версии монографии Р. Альтамиры.

1. *Imperialismo – завоевательная политика.* Переводчик выбирает достаточно узкий вариант трактовки вышеназванного феномена, и чтобы понять природу данной трансформации, необходимо пристальнее взглянуть на сущность империалистической идеи. Термин этот имеет долгую историю, его оценочная окраска менялась на протяжении истории Европы, от вполне позитивной до выражено негативной (см. напр: [Гобсон 2020; Мэхэн 2002]), даже сегодня отношение к империалистической политике может варьироваться в зависимости от реципиента. Как отмечает И.И. Рогов, значение термина «империализм» варьировалось в разные эпохи:

«В конце XIX в. этот термин стал употребляться сначала в Англии, потом повсеместно еще в ином смысле: им обозначается стремление государства к расширению своих территориальных (колониальных) владений, преимущественно, в других частях света, к укреплению своей связи с ними, и вместе с тем к усилению своего политического влияния в международных отношениях. На рубеже XIX и XX вв. понятие *империализма* стало употребляться в массовом сознании в качестве эквивалента *колониализму*, и постепенно стал означать *колониализм морских держав*. В наши дни историк может назвать государство империалистским, если в любой данный период времени оно использует

власть над другими государствами (общинами или народами) для своих собственных целей и выгод, какими бы они ни были (или какими бы они ни полагались)» [Рогов 2010: 261].

Если сопоставить ряд определений, наиболее распространенных в современных словарях и энциклопедиях, то разночтения очевидны:

1. Империализм – понятие, в широком смысле применяемое для обозначения агрессивной внешней политики, направленной на расширение ресурсной базы государства за счет других стран и народов, включаемых в состав государства-агрессора в качестве подчиненной территории либо зависимой автономии. В качестве научной категории понятие «империализм» введено в оборот Дж. А. Гобсоном и В.И. Лениным в начале XX века и подразумевает высшую стадию развития капитализма, характеризуемую формированием монополий и олигархий, господством финансового капитала, завершением территориального раздела мира [Чубарьян 2014: 123-124].

2. Imperialism, state policy, practice, or advocacy of extending power and dominion, especially by direct territorial acquisition or by gaining political and economic control of other areas. Because it always involves the use of power, whether military or economic or some subtler form, imperialism has often been considered morally reprehensible, and the term is frequently employed in international propaganda to denounce and discredit an opponent's foreign policy [Britannica].

3. Imperialism: a system in which a country rules other countries, sometimes having used force to get power over them [Cambridge dictionary].

4. Imperialism is: 1) a system in which a rich and powerful country controls other countries, or a desire for control over other countries; 2) the policy of extending a state's influence over other peoples or territories.

Compare colonialism [Collins dictionary].

Выбор переводчиком суженного значения данного термина может свидетельствовать о том, что в его системе восприятия империализм априори подразумевал единственное толкование и понимался именно в таком значении. Можно предположить, что вышеприведенная трансформация в данном конкретном случае является образцом приема стилистической адаптации [Сдобников 2016: 251] как результата трансляции культурных кодов советской эпохи.

2. Еще один пример – “*tradición guerrera y conquistadora*”, переведенный как «воинственная, захватническая политика».

Глагол «*conquistar*» в словаре Испанской Королевской Академии определяется как: «*ganar, conseguir algo, generalmente con esfuerzo, habilidad o venciendo algunas dificultades*» [DRAE]. В двуязычных словарях есть разные варианты перевода данной лексемы на русский язык, основные: 1) завоевать; 2) захватить. Оба верны, однако если сравнить

оттенки значения и сопоставить с оригиналом, появляется материал для более подробного анализа.

Захватить:

Силою овладеть, отнять, занять; насильно присвоив, забрать. *3. чужую территорию. 3. обоз неприятеля* [Карта слов].

Завоевать:

1. Покорить вооруженной силой, овладеть чем-л. *Завоевать страну. Завоевать крепость.*

2. *перен.* Добиться чего-л. путем борьбы, настойчивости, труда и т.п. *Завоевать победу. Завоевать свободу* [Карта слов].

При общем семантическом сходстве обеих лексем можно заметить, что вторая отличается присутствием негативной окраски и ассоциируется с экспансией и агрессией, в то время как первая лишена выраженной отрицательной коннотации. Таковая может проявиться контекстуально, но для этого необходимо пояснение или лексические детерминанты, усиливающие негативный семантический компонент (например, зверское завоевание). В тексте Р. Альтамиры такие пояснения отсутствуют, тем не менее, переводчик предпочитает более радикальный вариант интерпретации. Однако при наличии нейтрального русскоязычного эквивалента выбор падает на коннотативно неравноценную альтернативу, что свидетельствует, как нам представляется, о неспонтанной авторской реструктуризации письменной речи, которая «приобретает «творческий» элемент как необходимая составляющая индивидуальной речевой деятельности» [Зубкова 2016: 20]. Вместе с тем подобный выбор может быть индикатором неосознанного негативного отношения переводчика к описываемому действию как следствию доминанты своего культурного пространства, в частности, идеи «величия» мессианских устремлений Карлоса V, неоднократно высказываемой испанскими историками (см.: [Ortega y Medina 1999]).

3. Более серьезные переводческие трансформации применены в следующем отрывке: «*lograron los Habsburgos sobreponerse*». В русском варианте фраза звучит как «удалось добиться перевеса и утвердить свое господство в сейме».

Переводчик применяет прием лексического добавления [Комиссаров 1990: 200] и включает в текст фразу «утвердить свое господство в сейме», которая отсутствует в оригинальной версии. Мотивом для применения данного переводческого решения бывает, как правило, недостаточная ясность исходного текста для восприятия носителей культуры переводного языка. Так, мотивом для применения лексического добавления или опущения В.Н. Комиссаров называет «обеспечение достижения более высокого уровня эквивалентности» [Комиссаров 1990: 200].

Для определения обоснованности лексического добавления в приведенном отрывке необходимо более подробно изучить семантику

каждого компонента высказывания. Лексема “*sobreponer*” определяется как «*obtener o afectar superioridad respecto de otra (persona)*» [DRAE], т.е. добиться перевеса, превзойти. Сопоставив оригинал с переводным текстом, можно убедиться, что словосочетания «*добиться перевеса*» вполне достаточно для передачи всей полноты значения этой лексической конструкции. Возникает вопрос, какие мотивы побудили переводчика прибегнуть к приему лексического добавления. Вероятно, причина добавления переводчиком личного комментария коренится в общем понимании им текста оригинала. Поскольку в советской исторической науке Карлос V воспринимался как негативный персонаж, захватчик территорий и тиран, то переводчик транслирует его действия как прямой захват и деспотическое доминирование, опираясь на собственные познания в области истории как носителя советской культуры. Из контекста главы вполне очевидно, что ни о каком господстве речи не идет, хотя бы на основании того факта, что Карлосу пришлось занять у Фуггера немалую сумму денег, чтобы выкупить должность [Altamira y Crevea 1906: 7], т.е. речь шла о подкупе. С большой степенью вероятности можно предположить, что данная трансформация является отражением перцептивных клише переводчика как носителя советской культуры, в частности, его идеи о необоснованном властолюбии испанского короля. В свете вышесказанного можно предположить, что примененная переводчиком трансформация является следствием неосознанного стремления последнего передать мысль автора в правильном с его точки зрения ключе, исключив возможные разночтения, т.е. применением тактики эксплицирования подразумеваемой информации [Сдобников 2016: 248]. А она демонстрирует пример трансляции культурных кодов современной переводчику эпохи.

4. Фраза «*necesitaban sostener su posición en Europa y contrarrestar a sus enemigos*» переведена на русский язык следующим образом: «стремившимся сохранить господствующее положение в Европе и не допустить усиления своих соперников».

Очевидны две трансформации:

Necesitar: tener necesidad de alguien o algo.

Necesidad: Impulso irresistible que hace que las causas obren infaliblemente en cierto sentido. Aquello a lo cual es imposible sustraerse, faltar o resistir [DRAE].

Стремиться: к кому (чему) и с неопред. Настойчиво добиваться, сильно желать чего-н. С. к самостоятельности. С. к знаниям. С. понять что-н. [Академик].

Итак, значение данных лексем схоже, с той лишь разницей, что в испанском варианте применяется форма «им было необходимо», подразумевающая влияние внешних обстоятельств и снимающая в некоторой степени ответственность с действующих лиц (Карлоса и

Максимилиана); в русскоязычной версии фигурирует глагол «стремиться», акцентирующий внимание на собственной воле (желании испанской короны господства над Европой). Если в испанском варианте монархи в силу сложившейся ситуации должны были действовать в рамках интересов своих стран, то в русском данным лицам была присуща жажда власти, которая и обусловила их действия.

Вторая масштабная трансформация в этом отрывке специального текста локализуется в его завершительной части: «*contrarrestar a sus enemigos*» – не допустить усиления противника.

Contrarrestar – hacer frente y oposición a algo [DRAE].

Enemigo – persona que tiene mala voluntad a otra y le desea o hace mal; conjunto de personas o de países contrarios a otros en una guerra [DRAE].

Противник: Тот, кто выступает против кого-л. в споре, игре, спортивном состязании; Неприятельское войско, неприятель.

Итак, в испанской версии речь идет о противостоянии в то время, как в русской говорится о недопущении усиления. В случае противостояния подразумевается ответ на агрессию со стороны оппозиции, где обе стороны проявляют одинаковую активность. Недопущение усиления несет в себе значение доминирования более сильной стороны над более слабой, дабы не позволить ей превратиться в достойного соперника. При этом одна из сторон (в данном случае Испания) выступает явным агрессором по отношению к более уязвимой стороне. Та же идея прослеживается в переводе слова «*enemigo*» как «соперник». Лексема «враг», как правило, несет в себе агрессивную коннотацию, ассоциируется с войной и ненавистью. Соперник может быть врагом, но может им и не быть. Выбирая значение «соперник», переводчик прибегает к генерализации, и возникает вопрос о мотиве таковой при существовании в русском языке эквивалента испанского слова «*enemigo*»: «враг». Подобные трансформации могут появиться в переводе спонтанно, но в рассматриваемом тексте, как свидетельствуют вышеприведенные примеры, трансформации с отрицательной коннотацией по отношению к испанскому монарху проявляются в комплексе. Не искажая смысла сказанного, они сдвигают оценочные акценты: в испанском варианте передается идея, что король под влиянием сложившихся обстоятельств противостоял своему врагу, в русском – король жаждал власти и стремился подавить возможных противников, угнетая при этом слабых. На основании вышесказанного можно предположить, что, не осознавая того, переводчик выражает свои мировоззренческие клише как представитель современного ему общества, выдавая негативное отношение к испанской монархии, которую априори связывает с идеей деспотизма носителя власти и доминирования сильного над слабыми.

5. *Se reunía en una sola cabeza* – объединенных в одних руках.

В тексте оригинала королевские дома объединяются одним *главой*, тем самым выражается идея восприятия короля как носителя власти, главы государства, отца, характерная для испанской исторической традиции. Переводчик применяет лексическую замену, и в русском варианте королевские дома объединены «в одних руках». Прямой перевод данного словосочетания не представляет никакой сложности для понимания или возможности разночтений: «королевских домов, объединенных под единой главой» (*перевод – наш.*), потому возникает вопрос о причине, обусловившей применение трансформации. Фраза «в одних руках» имеет двойной подтекст и часто ассоциируется с монополизацией и отсутствием оппозиции (руки – инструмент манипуляции), в то время как единая глава традиционно связывается с централизованной властью и порядком (голова – центр разума). Тем самым переводчик выдает свое отношение к монархии как к монополии и отрицает ее авторитет, транслируя свои культурные коды в тексте перевода.

6. *Repartían por dinero los demás empleos, otorgándolos al mejor postor* – продавали за деньги различные должности, отнимая их у более достойных.

Otorgar – consentir, condescender o conceder algo que se pide o se pregunta [DRAE].

Postor – Licitador que ofrece precio en una subasta [DRAE].

Фраза «отнимая их у более достойных» не является равнозначной тексту оригинала. Согласно приведенным выше определениям, в испанском тексте речь идет о предоставлении должностей тому кандидату, который больше заплатит. Безусловно, продажа должностей – акт незаконный и недостойный министров короля, но отказ в должности более достойному кандидату, чтобы передать ее менее достойному за деньги, как это звучит в русской версии, это дополнительное преступление [ТК РФ, ст. 394; УК РФ, ст. 290]. Текст Альтамыры мог подразумевать и такое деяние, но мог его и не подразумевать, об этом просто умалчивается. Осмелимся предположить, что приведенная трансформация – результат влияния мировоззренческих клише советской эпохи, согласно которым испанский монарх – не просто деспотичный и меркантильный властелин, но и в высшей степени безнравственная личность.

7. *Y el rey prometió la enmienda* – король вынужден был дать обещание изменить свою политику.

В данном отрывке специального текста присутствует две переводческие трансформации:

Prometió – вынужден был дать обещание.

Enmienda – изменить свою политику.

Первая лексема переведена с применением лексического дополнения, которое, как правило, используется в случае различия в

структуре предложения в рабочих языках или отсутствия адекватного слова в языке перевода. Отсутствие у рецептора перевода необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений [Комиссаров 1990: 211]. Рассмотрев отрезок текста с этой точки зрения можно заключить, что добавление слов «вынужден был» необоснованно и вносит изменение в понимание исходного текста. В тексте оригинала Карлос дает обещание актом доброй воли, в то время как в переводе это звучит как вынужденная мера. В общем контексте добавление «вынужден был» подчеркивает деспотичность короля и триумф народа, сумевшего заставить своего правителя подчиниться их требованиям.

Перейдем к глаголу *enmendar – arreglar, quitar defectos* [DRAE].

В русской версии текста он звучит как изменить свою политику, однако согласно определению Испанской Королевской Академии, речь может идти как об изменении полном, так и об исправлении ошибок, не подразумевающим кардинальных изменений политического курса. Кажущаяся несущественной разница имеет значение в общем контексте: когда позднее выяснится, что обещания король не исполнил, степень его вины будет прямо пропорциональна серьезности обязательств. Под давлением данное слово изменить политику в случае неисполнения характеризует монарха иначе, чем нарушение добровольного решения исправиться.

8. *Que motivó una propaganda vehemente de muchos frailes contra el rey y sus ministros* – явилось причиной усилившейся пропаганды испанских монахов против короля и его фаворитов.

Vehemente (ardiente y lleno de pasión [DRAE]) – усилившейся.

Sus ministros – его фаворитов.

В приведенном отрывке специального текста переводческая трансформация коснулась наречия «vehemente», переведенного как «усилившаяся» пропаганда. Значение данной лексемы на русском языке акцентирует внимание на долговременности недовольства монахов политикой короля. В оригинале автор выбрал прилагательное «страстный», «активный», которое оценивает лишь положение дел в момент описания событий без отсылки к прошлому. Вторая трансформация в данном предложении была применена к существительному «ministros» – *persona que forma parte del Gobierno como responsable de uno de los departamentos en que se divide la Administración Superior del Estado* [DRAE]. Наиболее близким по значению будет русское слово «министр». Однако автор перевода предпочитает иной вариант, а именно, «фаворит», т.е. «любимец высокопоставленного лица, получающий выгоды и преимущества от его покровительства» [Карта слов]. Если рассматривать данное предложение в контексте, можно

сделать вывод, что среди министров короля были фавориты, переводчик не искажает смысла, но в оригинале не говорится о том, что все министры были фаворитами, потому выбор данного термина как замены существительного «министр» не оправдано необходимостью, т.е. является личным выбором переводчика. Обе вышеназванные трансформации иллюстрируют уже упомянутую тенденцию к сгущению красок по отношению к незаконным действиям испанского короля и недовольству его подданных существующим государственным режимом, обусловленную влиянием культурного контекста эпохи на ментальность носителей данной культуры.

В изученной главе присутствуют и иные трансформации, в той или иной степени влияющие на понимание текста русскоязычной аудиторией. С точки зрения оценочных характеристик образ короля в оригинале монографии испанского историка представлен довольно прямолинейно, не ретушируются допущенные им промахи и сложности его правления, автор не боится говорить о слабых сторонах Карлоса в его первые годы на троне. Однако в русском переводе за счет переводческих трансформаций подчеркивается ряд характеристик, которые напрямую не фигурируют в тексте оригинала, а именно: агрессия, вопиющее беззаконие, безнравственность, несправедливость, деспотизм, вполне осознанный выбор политики агрессии, не обусловленный внешними обстоятельствами, жажда власти, угнетение слабых. Вышеприведенные примеры – наиболее показательные образцы переводческих решений при трансляции культурных кодов, не обусловленных языковой необходимостью и являющихся, вероятно, следствием неосознанного вмешательства мировоззренческих клише переводчика. Принимая во внимание высокий уровень профессионализма, общую тщательность и корректность перевода, очень сложно предположить, что переводчик мог ошибиться при работе с данными отрывками или умышленно внести изменения в текст оригинала. Если переводчик и позволяет себе какие-то отступления в отношении частных деталей структуры текста, то лишь для того, чтобы точнее передать содержание оригинала [Комиссаров 1990: 44]. Кроме того, заметим, что, если учесть исторический контекст, в котором проходила работа над переводом труда Альтамиры, а также идеологические установки, господствующие в обществе того периода, можно констатировать, что направление трансформаций вполне совпадает с общими тенденциями, а именно с негативным отношением к монархическому строю, личности монарха, историческому прошлому, связанному с самодержавием, повышенным вниманием к идее борьбы с притеснением, угнетением и несправедливым распределением королевских милостей. Иными словами, текст перевода частично является продуктом культурного контекста эпохи.

Выводы

На основании анализа отрывка перевода труда Р. Альтамиры «История Испании» можно сделать вывод, что форма восприятия российскими исследователями изложенных в вышеназванной монографии событий была в определенной степени обусловлена мировоззренческими клише лингвокультурного сообщества. Иными словами, социокультурный контекст эпохи непосредственно наложил отпечаток на текст перевода. Речь ни в коем случае не идет об осознанном искажении или фальсификации информации, а скорее о применении тактики стилистической адаптации текста [Сдобников 2016: 251], обусловленной внешними обстоятельствами и годами воспитанными в обществе политическими убеждениями. Судя по характеру трансформаций, примененных переводчиками при работе с текстом монографии Р. Альтамиры, восприятие содержания текста оригинала происходило в соответствии с убеждениями носителя советской культуры и толковалось им соответствующим образом в рамках советской культуры. На этом основании с большой степенью вероятности можно заключить, что формирование образа Испании, её культурных кодов в российской традиции XX века шло под влиянием советской культуры и существующих лингвокультурных аспектов, способствующих созданию негативных характеристик испанской монархии как культурно-политического феномена.

Библиографический список

Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic> (дата обращения: 05.07.2023).

Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. В 2-х томах. Том 2 / Сокр. пер. с исп. Е.Л. Глушицкой, Р.И. Линцер и Н.Б. Томашевского // Под ред. З.В. Мосиной. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 359 с.

Гобсон Дж.А. Империализм. М.: URSS. 2020. 288 с.

Зубкова О.С. Метафорическое моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков с использованием тропеической лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. №1 (20). С. 16-21 [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (дата обращения: 20.08.2023).

Иванова М.С. Научный стиль как объект предпереводческого анализа // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 193-196.

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. №4. С. 56-77.

Карта слов [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014. 172 с.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793–1812. СПб.: Terra Fantastica, 2002. 576 с.

Рогов И.И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // Пространство экономики. 2010. №3-2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-i-imperializm-istoriya-ponyatiy-i-sovremennyy-mir> (дата обращения: 23.05.2023).

Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2016. 463 с. ISBN 978-5-9765-2112-4.

ТК РФ, ст. 394. Вынесение решений по трудовым спорам об увольнении и о переводе на другую работу.

УК РФ, ст. 290. Получение взятки.

Чубарьян – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2016. 543 с.

Altamira y Crevea R. Historia de España y de la civilización española. Barcelona: Herederos de Juan Gili, editores. 1906. 750 p.

Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/imperialism> (дата обращения: 10.02.2023).

Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 10.02.2023).

Collins dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/imperialism> (дата обращения 10.02.2023).

DRAE – Diccionario de la lengua española. Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения 10.02.2023).

Ortega y Medina J.A. La idea imperial de Carlos V. México, Universidad Nacional Autónoma de México Instituto de Investigaciones Históricas, 1999. 224 p.

References

- Academic Dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic>. (accessed 10.02.2023)
- Altamira y Crevea R. Historia de España y de la civilización española. Barcelona: Herederos de Juan Gili, editores. 1906. 750 p. (In Russ)
- Altamira y Crevea. History of Spanish civilization. Two volumes. Z.V. Mosina (ed.) M.: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1951. 359 p.
- Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/imperialism> (accessed 10.02.2023)
- Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed 10.02.2023)

Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/imperialism> (accessed 10.02.2021)

Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es> (accessed 10.02.2021)

Hobson J.A. Imperialism: a Study. M.: URSS. 2020. 288 pp. (In Russ)

Ivanova M.S. Academic prose style as the object of pre-translation analysis. Vestnik TvGU Seria Filologiya. 2017. N4. Pp. 193-196. (In Russ)

Karasik, V.I. (2016). Discourse Manifestation of Personality. Russian Journal of Linguistics, 20 (4), 56—77. (In Russ)

Karta slov (word map) URL: <https://kartaslov.ru> (accessed 10.02.2023)

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): Ucheb. dlya institutov y falultetov inostr. yaz. [Theory of translation: (linguistic aspects)] M.: Vysh. shk., 1990. 253 p. (In Russ)

Kopnina G.A. (2014). Rechevoe manipulirovanie: ucheb. posobie. [Linguistic manipulation: educational supplies] 5-e izd. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ)

Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire 1793-1812. SPb.: Tierra Fantastica, 2002. 576 p. (In Russ)

Ortega y Medina J.A. La idea imperial de Carlos V. México, Universidad Nacional Autónoma de México Instituto de Investigaciones Históricas, 1999. 224 p. (Serie Historia General, 19) ISBN 968-36-74-03-8

Rogov I.I. Imperiya y imperizlizm: istoriya ponyatiy y sovremenniy mir. [Empire and imperialism: history of the concepts and contemporary world]. Prostranstvo ekonomiki. 2010. N3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-i-imperializm-istoriya-ponyatiy-i-sovremennyy-mir> (In Russ) (accessed 10.02.2023)

Sdobikov V.V. Perevod y kommunikativnaya situatsiya. Monografiya. (Translation and communicative situation. Monograph). 3 e izd. ster. Moskva: Flinta, 2016. 463 p. (In Russ)

Teoriya y metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskiy slovar. (Theory and methodology of historical studies. Terminology dictionary). A.O. Chubaryan (ed.). M.: Akvilon, 2016. 543 p. (In Russ)

Zubkova O.S. Metaforicheskoe modelirovanie sovremennogo kommunikativnogo prostranstva professional'nyh yazykov s ispol'zovaniem tropeicheskoi leksiki // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2016. №1 (20). S.16 - 21. URL:<http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (accessed 20.08.2023) (In Russ)